

ЗАМѢТКИ О ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЪ.

(Продолженіе) ¹⁾

ГЛАВА III.

Истинное назначеніе женщины.

Если бы мы судили о земномъ назначеніи человѣка по простымъ даннымъ нашего наблюденія, мы бы, конечно, видѣли, что онъ постоянно стремился къ усовершенствованію всего вокругъ себя. Вся земная поверхность измѣнена его рукой, множество памятниковъ, учрежденій, литературныхъ и ученыхъ произведеній указали бы намъ направленіе его желаній; мы бы видѣли, что во всѣхъ дѣлахъ своихъ онъ старается выказать себя и удовлетворять безпрерывно увеличивающимся потребностямъ своей нравственной и физической природы, заявляя громадную дѣятельность. Дѣла его слишкомъ общи, слишкомъ постоянны, чтобы не видѣть въ нихъ исполненія Божіихъ предначертаній относительно человѣка, но мы не встрѣчаемъ указанія этихъ самыхъ предначертаній относительно женщины. Не осталось ни малѣйшаго поступка ея воли; она оставила едва замѣтные слѣды на землѣ; кромѣ легкихъ сочиненій, въ которыхъ выразились ея чувства, время унесло все сдѣланное ею.

А между тѣмъ и въ женщинѣ развитъ былъ инстинктъ усовершенствованія, она всегда дѣйствовала, всегда высказы-

---

¹⁾ См. февраль «Труды кievск. дух. акад. 1860 г.

вала способности того или другого рода, но способности эти всегда предупреждалъ и превосходилъ мужчину, и ей оставалось только слѣдовать на извѣстномъ разстояніи за его великимъ развитіемъ. Гибкій и легкий организмъ, тысячу способами переплетенный съ организмомъ болѣе сильнымъ и твердымъ, былъ постоянно поглощаемъ имъ.

Но это хотя бы и продолжительное отсутствіе въ результатахъ дѣятельности, которая не переставала выказываться, развѣ не можетъ служить намъ указаніемъ на то, чего мы до сихъ поръ напрасно искали, и показать намъ намѣренія Господа относительно пола болѣе слабого?

Конечно, мы легко можемъ видѣть, что женщина была поставлена въ отношенія съ такими же переходящими личностями, какъ и она сама. Ея произведенія всѣ живы: это ея сыновья и дочери, которыхъ она носила въ груди своей, воодушевляла духомъ своимъ и согрѣвала нѣжностію своею, это послѣдующія поколѣнія, которыхъ воспитаніе она начинала и на которыхъ она всегда оказывала сильное вліяніе, вліяніе скрытое конечно, рѣдко обнаруживающееся, но истинное, могущественное въ добрѣ и злѣ и распространяющееся на вѣчность, потому что оно выражается на душахъ. Если бы она отвѣчала на призывъ Господній,—усовершенствованіе челоѣчества было бы ея истиннымъ назначеніемъ.

Итакъ, съ нравственной точки зрѣнія общее призваніе мужчины и женщины одинаково. Оба должны боготворить Творца и стараться дѣлать добро на землѣ по мѣрѣ возможности; справедливость, истина—главныя обязанности челоѣчества—общі для обоихъ, но есть обязанности и особенно свойственныя каждому изъ нихъ.

Соблюденіе общихъ интересовъ досталось на долю мужчинѣ: онъ защищаетъ интересы семьи, страны, отечества, общества. Напротивъ, забота объ интересахъ или совершенно личныхъ, или ограниченныхъ въ болѣе тѣсномъ кругу, доста-

лась на долю женщины; чувства ея при этомъ выразились сильнѣе, а обязанности ея такъ ясно обозначились, что оказались тѣмъ болѣе необходимыми.

Женщина въ управленіи, доставшемся ей, всегда подчинялась крайней необходимости, но обязательства, поставляемые самымъ порядкомъ вещей, всегда такого свойства, что существо нравственное охотно исполняетъ ихъ. Тутъ въ ней всегда была крайняя нужда, дѣтей нужно было воспитывать, стариковъ досмотрѣть, домомъ управлять. Всѣ эти обязанности, одинаково нужны и не исполненныя, достались на долю женщинѣ; и хотя она могла находить кого нибудь, кто бы замѣнилъ ее, все же отвѣтственность во всемъ этомъ лежала на ней. Это положеніе, стѣсняющее ее матеріально, имѣло въ себѣ и своего рода вознагражденіе. Вліяніе, которое женщина пріобрѣтала такимъ образомъ, было громадно, и если оно сопровождалось благодатнымъ послѣдствіемъ для всѣхъ, то истинное сердечное довольство служило ей вознагражденіемъ.

Въ чемъ же собственно заключается роль женщины на этомъ свѣтѣ? По нашему мнѣнію, женщина призвана къ усовершенствованію частной жизни въ границахъ, поставленныхъ божественнымъ закономъ. Это относится ко всѣмъ состояніямъ. Бѣдныя или богатые, замужнія или свободныя—женщины всегда имѣютъ вліяніе на частную жизнь. Нечего и говорить уже, что семейное счастье по большей части зависитъ отъ нихъ: мы собственно говоримъ о частной жизни по отношенію къ сферѣ политической, къ общественнымъ обязанностямъ, потому что мы никакъ не предполагаемъ, чтобы дѣятельность женщинъ ограничивалась ихъ домашнимъ кругомъ,—напротивъ, мы предполагаемъ ихъ способными производить добро въ болѣе обширномъ смыслѣ; но дѣйствія ихъ всегда одного рода. Онѣ производятъ духовное вліяніе на отдѣльные лица

касаются только тѣхъ отношеній, которыя онѣ поддерживаютъ съ близкими своими. Не имѣя прямыхъ отношеній къ обществу, онѣ освобождаются отъ всякихъ обязательствъ относительно массы. Ихъ участь здѣсь все таки подчиняется одному только главѣ: отецъ или мужъ, вотъ ихъ владыка. Этого требовало ихъ чувство и общество.

Однако призваніе это прекрасно. Усовершенствовать частную жизнь, оживлять, украшать, освящать ее,—это великая и благородная карьера. Женщины, по нашему мнѣнію, рождены наставницами, потому что въ рукахъ ихъ находится непосредственно нравственность дѣтей, этихъ будущихъ владыкъ міра; примѣръ, который онѣ могутъ подавать, прелесть, которую онѣ могутъ расточать на судьбу другихъ возрастовъ, представляютъ имъ ежеминутно средства къ усовершенствованію. Подъ домашней кровлей образуются тѣ убѣжденія и нравы, которые или поддерживаютъ учрежденія, или готовятъ ихъ паденіе. Все то, что въ политической организаціи не основывается на истинныхъ семейныхъ началахъ, погибаетъ или производитъ одно зло. А какъ семейные интересы поручаются большею частію женщинамъ, какъ они тѣмъ болѣе выпадаютъ на долю ихъ, что вниманіе мужчинъ обращено на другую сторону, и такъ какъ въ матеріальномъ порядкѣ вещей на долю женщинъ падаетъ забота о здоровьи и сбереженіи, а въ нравственномъ отношеніи онѣ сообщаютъ и оживляютъ чувство—душу жизни—вѣчный двигатель всѣхъ дѣйствій; то имъ предназначается, быть можетъ, мало замѣтная, но громадная роль въ превратностяхъ судебъ, развивающихся предъ нашими глазами.

Итакъ существуетъ постоянное взаимодействіе между жизнію общественною и частною, а изъ этого можетъ вытекать двойной успѣхъ въ цивилизаціи, потому что, между тѣмъ какъ вышнее движеніе заставляетъ постоянно проникать въ

нѣдра семьи новшій свѣтъ, семейства эти могутъ представлять примѣръ лучшаго устройства, менѣе способнаго подчиняться различнымъ порокамъ, такъ что домашняя администрація, лучше устроенная, изливала бы въ общество тысячу источниковъ болѣе чистый элементъ.

Та женщина, которая лучше исполнить свое назначеніе, будетъ производить самое счастливое вліяніе въ той сферѣ дѣятельности, которую ей опредѣлитъ случай. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что женщина замужняя, которая, какъ жена, какъ мать, какъ хозяйка дома, можетъ имѣть вліяніе на большее число лицъ, наиболѣе будетъ заслуживать уваженія и представлять въ общемъ мнѣніи типъ всего рода. Но во всякомъ случаѣ состояніе это подчиняетъ ее зависимости: по всѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагаются на нее, жена подчиняется господству одного главы, который ограничиваетъ и направляетъ ее дѣйствія. Въ болѣе узкомъ кругу незамужняя женщина можетъ, повидимому, пользоваться болѣею свободою, а между тѣмъ и она стѣснена во многихъ отношеніяхъ.

А можетъ быть, въ нѣкоторыхъ странахъ даже и слишкомъ стѣснена? Весьма возможно. Религіозная обязанность дѣлать добро, ревностно усвоенная, скромно исполняемая, съ помощью все увеличивающагося свѣта, достигнетъ того, что мало-по-малу границы дѣятельности женщинъ расширятся, но чувство приличія всегда будетъ сдерживать ихъ во многихъ отношеніяхъ. Всякая молодая дѣвушка, воспитанная покорной матерью, припаровливалась къ образцу, который имѣла передъ глазами; она пріобрѣтала этотъ духъ кротости, уступчивости, это расположеніе подчинять волю свою волѣ другихъ, которые, за исключеніемъ одного призыва, громко произнесеннаго совѣстью, заставляютъ ее всегда отступить передъ угрозами общественнаго мнѣнія.

Это такъ есть и всегда такъ будетъ; женщина слишкомъ смѣлая, слишкомъ мало обращающая вниманія на общественный судъ, увидѣла бы скоро, какъ разрушаются ея лучшія намѣренія. Другія женщины противились бы ей; онѣ обладаютъ слишкомъ большимъ тактомъ для того, чтобы понимать, что при каждомъ шагѣ ихъ къ свободѣ мужчины дѣлали бы шагъ къ холодности. Они бы подчасъ привязывались къ нимъ въ отдѣльности, но сохранили бы предубѣжденіе къ нимъ въ массѣ, какъ только бы могли сказать: женщины въ насъ больше не пугаются.

Въ томъ подчиненномъ положеніи, въ какомъ находятся у насъ женщины, не возможно, чтобы обстоятельства не имѣли большаго вліянія на ихъ мнѣнія. Въ мнѣніяхъ этихъ онѣ стараются примирять свой взглядъ на вещи съ тѣмъ взглядомъ, какой онѣ замѣчаютъ у другихъ, и дѣйствуютъ нерѣшительно даже въ томъ, что достается на ихъ собственную долю. Онѣ всегда будутъ руководиться чувствами другихъ, т. е. тѣмъ, что есть болѣе подвижнаго, болѣе неожиданнаго, болѣе, такъ сказать, живаго въ жизни; время совершеннаго спокойствія имъ рѣдко доступно. Эти длинные часы, которые мужчины посвящаютъ наукѣ или другимъ болѣе механическимъ занятіямъ, которыхъ требуетъ ихъ разнообразная служба, вовсе не встрѣчаются въ судьбѣ женщины. Находясь постоянно подъ вліяніемъ ежедневныхъ интересовъ другихъ лицъ, онѣ часто должны предпринимать быстрыя рѣшенія и избѣгать душевныхъ волненій, которыя однако должны пронзать и понимать въ другихъ. Какимъ присутствіемъ духа, какимъ спокойствіемъ нужно обладать тогда, чтобы сохранить внутреннее хладнобровіе, чтобы возвыситься надъ современными разсужденіями, отдавая имъ ихъ долю справедливости! И въ этомъ чрезмѣрномъ стеченіи столь различныхъ обязательствъ какъ соблюсти настоящій порядокъ обязанностей! Какъ понять,

требуютъ ли скорѣйшаго исполненія обязанности, важныя сами по себѣ, или нѣтъ ли второстепенныхъ обязанностей, которыя въ важныхъ случаяхъ должны предшествовать первымъ? Ясно, что для подобныхъ рѣшеній мало примѣнимы общія правила.

Итакъ слѣдуетъ развить главнымъ образомъ въ женщинѣ справедливое и быстрое чувство того, чего требуетъ извѣстная минута. Конечно, имъ можетъ принести пользу благо-разумное знаніе законовъ долга; но для счастливѣйшаго примѣненія этихъ законовъ имъ необходимы, такъ сказать, инстинктивныя качества. Но, возразятъ намъ, какимъ же образомъ сообщить имъ эти качества? Мы отрицимъ, что въ этомъ отношеніи Провидѣніе особенно хорошо одарило женщинъ, и что у нихъ нѣтъ недостатка въ быстромъ соображеніи. Имъ недостасть лишь великихъ двигателей, другаго поощренія, чѣмъ ихъ вкусъ, ихъ любовь къ удовольствіямъ, суетность ихъ, увлеченія по капризу и даже боязнь общественнаго мнѣнія. Однимъ словомъ, ихъ нужно освободить отъ самолюбія. Что же можетъ достигнуть этого результата какъ не любовь къ Богу, какъ не эта живая вѣра, эта могущественная любовь, которая такъ глубоко проникаетъ наше сердце, что производитъ въ немъ дѣйствіе естественныхъ качествъ и кажется намъ невольнымъ побужденіемъ къ добру? Если вы хотите, чтобъ въ характерѣ женщины было смиреніе безъ униженія, уступчивость безъ пошлаго угожденія, неистощимая любовь, которая, особенно заботясь о благѣ душевномъ, старается доставить и благо земное,—если вы хотите всего этого,—сдѣлайте ее христіанкою.

Христіанство есть до такой степени религія всего человѣчества, что мы бы унизили его, еслибы сказали, что оно особенно создано для женщинъ. Справедливѣе сказать, что женщины созданы, повидимому, для христіанства. Имъ осо-

бенно присуще сердечное убѣжденіе и желаніе въ душѣ своей слышать голосъ Божій, распознавать то, что можетъ распознаваться духовно. Имъ не доставало бы естественнаго дара ихъ пола, если бы онѣ не обожали Спасителя такимъ, какимъ представляетъ Его намъ евангеліе, и имъ бы не доставало этого самаго дара внѣ области религіи. Имъ пришлось бы постоянно прибѣгать къ разсужденіямъ,—путь медленный и затруднительный.

Но для женщины, которая, такъ сказать, поняла Іисуса Христа, или, если хотите, общую любовь, вскорѣ разъяснится вся сложность ея обязанностей. Лучшая черта для ея поведенія представляется ей въ опредѣленномъ случаѣ, въ которомъ она находится. Она видитъ преданную жену, нѣжную мать, сострадательную христіанку, дѣйствующую во всякомъ случаѣ, какъ того требуютъ эти различныя названія: какое нибудь изъ этихъ качествъ пострадало бы, если бы она пренебрегла одною изъ этихъ обязанностей или превзошла бы ихъ мѣру. Конечно, она разсуждаетъ надъ этимъ по возможности, но ей является на помощь могущественное побужденіе.

Тогда она чувствуетъ сильную потребность измѣрить глубину своего собственнаго сердца, чтобы сдѣлать его лучшимъ. Желая проникнуть въ самые тайные изгибы его, она создаетъ тѣмъ смиреннѣе идею о самой себѣ, чѣмъ выше идея ея миссіи. Сравнивая себя постоянно съ Божественнымъ образцомъ, она скоро замѣчаетъ всѣ недостатки своего характера, своего просвѣщенія и часто постоянства воли своей. Покорная главѣ своему въ супружествѣ по чувству любви и долга, она и потому покоряется ему, что легко видитъ его превосходство надъ собою. Если чистота ея намѣреній, если даже ея естественныя способности и уравниваютъ ее съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, она скоро сознаетъ, что обыкновенно болѣе солидное образованіе, болѣе практическое знаніе

жизни человѣческой придаютъ уму мужа ея твердость, которой не достаетъ ей, и это убѣжденіе служить ей пріятною опорой. Какъ бы нибыло пламенно ея желаніе имѣть на него хорошее вліяніе, оно не убѣждаетъ его въ ея нравственномъ превосходствѣ, но она часто находитъ, что интересуется имъ больше, нежели онъ ею. И если она, въ сожалѣнію своему, не можетъ съ нимъ внутренно согласоваться, то отказывается отъ преимущества своихъ собственныхъ идей. Чувство святости ихъ союза заставляетъ ее смотрѣть на малѣйшее облако между супругами, какъ на препятствіе къ ихъ взаимному усовершенствованію.

Тотъ же духъ обладаетъ ею и въ ея домашнемъ управленіи: она желала бы, чтобы домъ ея былъ отраженіемъ всего, что есть чистаго и возвышеннаго въ жизни человѣческой. Она бы не только желала, чтобы въ немъ ежедневно совершалось божественное богослуженіе, но чтобы въ немъ посвящались Богу все радости, которыми Онъ надѣляетъ насъ. Она бы призывала въ него счастье, чтобы оно принесло съ собою благодарность. Послѣ опредѣленія строгимъ разумомъ того, что позволяетъ всякое положеніе, потребность къ усовершенствованію всего привела бы ее и къ украшенію всего. Ей казалось бы, что и въ этомъ состоитъ призваніе женщины. Какое обаяніе порядка и красоты окружало бы ее и распространяло бы царство согласія въ ея домѣ, какъ оно распространяетъ его во всемъ мірѣ. Вездѣ бы мы встрѣчали духъ точности въ соединеніи съ возвышенностью мысли. Невнятные удовольствія искусства, литературныя развлеченія, даже открытія науки водворились бы въ немъ, и все матеріальныя заботы облагородились бы способностями души безсмертной.

Таковы ея желанія, но они не могутъ исполниться въ совершенствѣ: женщина—христіанка чувствуетъ это больше всякой другой; она находитъ источникъ тщетныхъ надеждъ

въ непрерывно обманываемомъ желаніи усовершенствованія, и въ этомъ состоитъ испытаніе ея кротости и терпѣнія. Никогда не переставая стремиться къ добру, она употребляетъ такимъ образомъ проницательность свою къ пониманію того, что можно ожидать отъ каждой минуты, и, не надѣясь слишкомъ на себя и на другихъ, она избѣгаетъ столкновенья съ непреодолимыми трудностями. Тайное чувство говоритъ ей, что, нарушивъ внутреннюю гармонію окружающихъ ее, она теряетъ лучшее средство направлять души къ Господу.

Можно предложить вопросъ: должна ли женщина христіанка въ менѣе интимныхъ отношеніяхъ все таки заботиться объ усовершенствованіи общества? Не явно, конечно. Часто она можетъ позабыть собственныя намѣренія свои, но ея естественная склонность заставить ее безсознательно исполнять ихъ. Она не будетъ имѣть видъ проповѣдующей, но въ присутствіи ея можетъ совершаться только благое и великодушное. Ее будетъ окружать атмосфера чистоты; она будетъ любима потому, что сама любезна, что она сама симпатизируетъ чувству и что всякій становится лучше возлѣ нея. Она старается воспользоваться каждымъ умомъ, каждымъ часомъ; ей кажется, что общество также имѣетъ нравственную цѣль, и что Творецъ, сближая насъ временно, хочетъ, чтобы мы почерпнули въ этомъ нѣчто неизмѣнное.

Если мы прослѣдимъ за подобною женщиною въ различныхъ положеніяхъ, въ которыя ставитъ ее судьба, мы всегда найдемъ ее на уровнѣ ея настоящаго положенія. Во всемъ она будетъ соблюдать приличную тому форму, находя, что она охраняетъ ея достоинство и сдерживаетъ движенія часто слишкомъ увлекающагося сердца. Итакъ, подъ кровомъ родителей своихъ она, преданная и покорная дочь, въ возрастѣ замужества, если въ сердцѣ ея есть предчувствіе новаго счастья, она не въ силахъ будетъ понять его безъ глубокаго

соединенія чувства съ принципомъ. Какъ мать, она будетъ умна, тверда, терпѣлива, вѣрное орудіе воли свыше, и способна внушить ее юнымъ душамъ. Вдовой, если уже судьба поставитъ ее въ такое положеніе, потеря ея счастья ничего не измѣлитъ въ предпринимаемыхъ ею усовершенствованіяхъ; сдѣлавшись опекуной и правительницею дѣтей своихъ, она постарается пріобрѣсть свѣденія, которыхъ ей недостаетъ. Въ этомъ положеніи, какъ и во всякомъ другомъ, ее займетъ ея собственное образованіе. Или, если она останется не замужемъ, предъ нею все же откроется огромное поле дѣятельности: перспектива дѣлать добро и въ самой себѣ совершенствовать всѣ душевные дары.

Соединеніе сколькихъ прекрасныхъ качествъ необходимо для того, чтобы быть прекрасною женщиной! Сколько даровъ, повидимому противоположныхъ, должно слиться и какъ бы поглотиться въ божественную гармонию! Гдѣ же найти такой совершенный образецъ? Ни одинъ извѣстный типъ не можетъ, повидимому, указать намъ на то, что есть неизмѣннаго и священнаго въ этомъ существѣ слабомъ и непостоянномъ. Ничего подобнаго не найдемъ мы въ олицетворенной человѣческой мудрости, какою она представилась греческимъ умамъ въ гордомъ образѣ Минервы. Подобнаго типа мы не можемъ встрѣтить въ области язычества, а между тѣмъ въ нѣдрахъ порабощенія, павшаго на долю женщинъ у древнихъ, часто проглядываетъ высокое мнѣніе о нихъ. Какая прелесть и чистота выражается, напримѣръ, въ идеѣ весталки, которой поручалось храненіе священнаго огня!

Лучшее вдохновеніе Мильтона представляетъ оборотительную картину Евы, еще невинной, такой, какою она явилась на зарѣ творенія, и это только земной, непрочный образъ женщины, который еще не воспринялъ въ груди своей новаго начала жизни. Вѣрная супруга, изображенная Соло-

мономъ, вся принадлежитъ древнему союзу и представляетъ въ болѣе строгихъ чертахъ духъ перваго закона.

И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, полное соединеніе прелести и строгости встрѣчается только въ Евангеліи. Здѣсь женщина—христіанка представляется намъ, хотя, правда, въ нѣсколько разсѣянныхъ, но истинныхъ и трогательныхъ чертахъ. Такова благословенная дѣва Марія, которая, будучи призвана въ высшей жизни, сохранила воспоминаніе небеснаго обѣта и берегла его въ сердцѣ своемъ (Луки II, 51). Такова и другая Марія, которая, сидя у ногъ Спасителя и внимая божественнымъ словамъ Его, избрала лучшую долю, которой у нея никто не отниметъ (Луки X, 42). Такова наконецъ женщина, о которой говорить св. Петръ,—та, которой украшеніе состоитъ въ чловѣкѣ, скрытомъ внутри ея сердца, въ неспорченности проткаго и тѣхлаго духа, который благоугоденъ Господу.

Глава IV.

Отличительныя качества женщинъ.

Если мы говорили о назначеніи женщинъ прежде разсмотрѣнія ихъ качествъ, то это потому, что послѣднія не были причиною рѣшенія участи ихъ на землѣ. Въ этомъ случаѣ ихъ дарованія, и въ особенности умственные, имѣли весьма мало значенія. Но истинно во всемъ, что составляетъ божественный порядокъ, во всемъ, чего требуетъ особенный организмъ женщины, царствуетъ удивительное согласіе между ихъ способностями и ихъ обязанностями, но не все составляло божественный порядокъ въ мѣстѣ, указанномъ женщинамъ въ этомъ мірѣ; различная участь ихъ въ разныхъ странахъ доказываетъ намъ это. Однако изученіе ихъ качествъ всегда имѣетъ весьма важное значеніе. Нужно познакомиться съ

естественными дарованіями ихъ не для того только, чтобы ваяться развитіемъ ихъ сообразно съ требованіями общества, но и для того, чтобы направить ихъ къ личной выгодѣ самихъ женщинъ.

Дѣйствительно-ли женщина обладаетъ особеннаго рода способностями? Конечно, нѣтъ, въ абсолютномъ смыслѣ. Духовныя дарованія существенно однѣ и тѣже въ обоихъ полахъ; разница существуетъ только въ пропорціи. Однако сквозь безконечныя измѣненія проглядываетъ довольно опредѣленное различіе, такъ что его легко указать. Но всегда можно предложить вопросъ: что въ этомъ отношеніи необходимо и неизмѣнно, и что случайно? Его разрѣшить не легко.

Наблюденіе показываетъ намъ, что въ извѣстныхъ странахъ цивилизаціи различіе это естественнымъ образомъ постоянно усиливалось. Женщины всегда сами занимались своимъ образованіемъ, и такъ какъ онѣ становятся матерями въ такомъ возрастѣ, когда большая часть мужчинъ еще и не думаютъ жениться, то поколѣнія ихъ прогрессируютъ весьма быстро. Кромѣ того материнское вліяніе сообщалось имъ въ весьма тѣсномъ кругу, куда мало проникаетъ свѣтъ вѣншей жизни, а потому чувства и предразсудки, особенно свойственныя женщинамъ, могли бы безконечно распространяться. Зная, что черты, отличающія ихъ нравственную природу, нравятся мужчинамъ, онѣ стараются сдѣлать ихъ все болѣе замѣтными. Изъ этого вышелъ слѣдующій результатъ: женщины были настолько женщинами, что здоровое существо тѣла и души, существо благоразумное почти исчезло, а осталось только созданіе хилое и слабое, неспособное къ исполненію своего назначенія.

Злоупотребленіе это почти прекратилось во многихъ странахъ, благодаря тому невниманію, съ какимъ смотрятъ теперь на слабости женщинъ. Общество должно бы было

казнить ихъ безразсудство и находить его столько же скучнымъ, какъ и вреднымъ; но женщины всегда обладаютъ тайною склонностью преувеличивать естественное чувство, заявляя въ одно и тоже время притязанія на тѣ пріятности, которыми онѣ обладаютъ, и тѣ достоинства, которыхъ имъ недостаетъ. Онѣ любятъ выказывать себя нѣжнѣе, чувствительнѣе, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и въ награду за то получаютъ освобожденіе отъ болѣе тяжелыхъ обязанностей. Печальный успѣхъ, приготовляющій имъ жалкое и презрѣнное существованіе!

Такова опасность, сопряженная съ развитіемъ извѣстныхъ слишкомъ исключительныхъ качествъ, которыя намъ кажутся пріятными, а между тѣмъ мы желаемъ, чтобы ихъ развивали. Намъ нравятся черты, характеризующія женщинъ; мы считаемъ ихъ соответствующими ихъ призванію, благопріятствующими усовершенствованію всего рода человѣческаго. Но тѣмъ не менѣе подъ оболочкой чисто женской мы желали бы видѣть существо нравственное, существо способное—если въ этомъ встрѣтится надобность—быть энергичнымъ, въ особенности обладать безъ жесткости той силой, которая опредѣляется словомъ самообладаніе.

Природа женщины часто подвергалась анализу. Мы знаемъ, что въ ней преобладаетъ принципъ страдательный, при которомъ мы невольно воспринимаемъ впечатлѣнія отъ принципа активнаго (дѣйствующаго), направляющаго наше вниманіе и наши мысли; а изъ этого слѣдуетъ, что во всемъ томъ, что требуетъ могущественныхъ и продолжительныхъ усилій, женщины очевидно оказываются несостоятельными: организація ихъ слишкомъ подвижна для того, чтобы чувство часто не брало верха надъ волей. За всеѣмъ тѣмъ, какъ бы въ награду за это, онѣ обладаютъ извѣстными правилами, которыя мы рассмотримъ сначала въ ихъ лучшемъ свѣтѣ, хотя онѣ и имѣютъ свои неудобства.

Намъ вовсе не свойственно восхищаться такъ часто восхваляемой наружностью женщины, но все же нельзя не признать, что удивительное произведеніе эта оболочка, такъ ловко устроенная, что сквозь нее выражается душа, когда ее что нибудь интересуетъ во ви́шнемъ мірѣ.

Благодаря этой организаціи, что можетъ быть быстрее, утонченнѣе наблюдательности женщинъ? Она выше мужчины даже въ томъ, что дѣлаетъ его выше животныхъ и подчиняетъ послѣднихъ его власти; многія превосходятъ его по силѣ матеріальной, но будучи заключены въ кругу инстинктовъ своихъ, онѣ ничего не видятъ внѣ этого тѣснаго круга. Мужчина одинъ все созерцаетъ въ природѣ, но женщина обладаетъ болѣею проницательностію.

Эта прозорливость такъ сильна въ ней, что она всегда обращаетъ ее на то, что есть болѣе утонченнаго, и схватываетъ самые легкіе признаки, показывающіе присутствіе души. Это одно интересуетъ ее истинно; матеріальный міръ мало имѣетъ для нея значенія. Она спиритуалистка, даже не зная того; интимныя мысли, тайныя привязанности всегда ее занимаютъ. Кажется, какъ будто невидимый міръ ей доступенъ. Удивительный инстинктъ открываетъ ей впечатлѣнія другихъ и заставляетъ ее раздѣлять ихъ. Воображеніе быстро переноситъ ее въ самое неизвѣстное ей бытіе: она понимаетъ маленькаго ребенка, который еще не говоритъ и едва способенъ думать, и угадываетъ тайны несчастныхъ. Можно сказать, что само небо сжалилось надъ скрытыми страданіями, одаривши ее такою проницательностію и такою нѣжною симпатіей.

Такими встрѣчаемъ мы женщинъ всѣхъ климатовъ, если только онѣ вѣрны истинной природѣ своей. Исключая слишкомъ общей склонности къ нѣгѣ, чувственность весьма мало овладѣваетъ ими. Довольно преданныя пресыщенію въ дѣтствѣ,

онѣ скоро преодолеваютъ это грубое желаніе; быть любимой, восхищать собою—вотъ все, чего онѣ жаждутъ; даже и тогда, когда онѣ испорчены тщеславіемъ, въ нихъ все же замѣтенъ спиритуализмъ инстинкта. Ихъ всегда интересуется то, что происходитъ въ душахъ. Онѣ всегда заняты открытіями того, что о нихъ думаютъ, что чувствуютъ къ нимъ; цѣль этихъ поисковъ весьма эгоистична, а не смотря на то, жизнь ихъ въ другихъ.

Это отгадываніе, это тайное общеніе съ глубиною души, подавало въ прежнія времена поводъ къ мысли, что въ женщинѣ есть что то сверхъестественное. Ихъ легко могли считать въ сообществѣ съ духами другаго міра. Сами онѣ, по всей вѣроятности, раздѣляли это убѣжденіе; дѣйствіе, производимое ими, сообщалось и имъ самимъ, потому что ничто ихъ такъ сильно не волнуетъ, какъ впечатлѣніе, котораго онѣ сами причиной. Легкость выраженія ихъ мыслей, доведенная возбужденнымъ чувствомъ до краснорѣчія, могла способствовать иллюзіи, и вѣроятно волшебницы и сивилы воображали себя истинно вдохновенными. Кто знаетъ, не была ли ихъ нѣжная организація, ихъ подвижныя чувства когда нибудь потрясены этими таинственными вліяніями, дѣйствительность которыхъ поддерживали отъ вѣка до вѣка, не будучи въ состояніи объяснить причину ихъ? По крайней мѣрѣ вѣрно то, что у цѣлыхъ народовъ удивленіе красотѣ женщинъ, соединенной съ энтузіастическимъ возбужденіемъ души и ангельской чистотою, какую въ ней замѣчали, сообщило божественный и священный характеръ идеѣ, которую себѣ составили о ней. Въ менѣе матеріальныя времена, быть можетъ, чувство это было естественно, и можно пожалѣть о томъ, что оно не оставило нѣкоторыхъ слѣдовъ. Это не предубѣжденіе видѣть въ женщинахъ расу болѣе чистую, существа, которыхъ зло заставило бы поступать противно ихъ названію,

существа, предназначенныя для того, чтобы внушать остальному роду человѣческому чувство всего, что есть благороднаго, великодушнаго, преданнаго. Онѣ готовы скорѣе перенести тысячи необходимыхъ лишеній, еслибы слѣдствіемъ ихъ было высокое положеніе, чѣмъ произвольное осужденіе. Во всякомъ случаѣ ихъ отреченіе, по нашему мнѣнію, должно основываться на чувствахъ болѣе смиренныхъ.

При подобномъ сложеніи понятно, что чувство прекраснаго сильно развито было въ женщинахъ. Видъ природы восхищаетъ ихъ и часто дѣйствуетъ религіозно на ихъ душу; онѣ также воспріимчивы къ искусству. Но это болѣе выдающіяся, чѣмъ отличительныя дарованія ихъ пола; онѣ не могутъ имѣть притязанія на преимущества въ этомъ отношеніи. Болѣе характеристическое свойство ихъ состоитъ во врожденномъ здоровомъ смыслѣ, въ извѣстной бѣрности взглядовъ, которые, если онѣ безпристрастны, всегда заставляютъ ихъ избирать правпльный способъ дѣйствій. Онѣ какъ бы по вдохновенію указываютъ на самое необходимое и самое важное, не слишкомъ размышляя и не ожидая, чтобы разсужденія эти сбили ихъ съ пути. Нравственный ли это инстинктъ, естественный ли вкусъ къ порядку, или преждевременное знаніе того, чего требуетъ извѣстное мгновеніе,—неизвѣстно. Онѣ сами не могутъ привести причинъ своего мнѣнія. «Мы не всегда знаемъ причину нашего здраваго смысла»,—сказала одна изъ нихъ. Нельзя лучше обозначить того, чѣмъ обладаютъ женщины, и чего имъ недостаетъ.

Да, того, чего имъ недостаетъ. Мы достаточно возвысили цѣну ихъ преимуществъ, чтобы сказать, что всѣ эти инстинктивныя дарованія требуютъ равновѣсія. Совершенно ложно думаютъ, что различныя качества и самыя, повидимому, противоположныя взаимно уничтожаютъ другъ друга. Дѣйствія ихъ, въ счастію, могутъ уравниваться, качества

же остаются такими, какими и были, и мы можемъ управлять ими по произволу. Итакъ, когда мы выражали желаніе наше о томъ, чтобы въ воспитаніи мужчинъ серьезнѣе занимались развитіемъ чувства, мы были увѣрены, что и умственныя способности выиграли-бы при этомъ. Точно также давая теперь противоположный совѣтъ и желая, чтобы въ женщинахъ поощрялось и даже требовалось отъ нихъ размышленіе, разсужденіе, мы убѣждены, что отъ этого взгляды ихъ не сдѣлаются менѣе быстры и наблюдательность менѣе утонченна. Какимъ образомъ вдохновеніе, предупреждающее мысль, могло бы задерживаться медленнымъ ходомъ тѣхъ способностей, которыя требуютъ времени для развитія своего? Женщины всегда замѣтятъ скоро и—часто—вѣрно, но желательно было-бы, чтобы сужденіе ихъ подтверждалось размышленіемъ, прежде чѣмъ выразится въ дѣйствіяхъ и даже словахъ. Одна часть ихъ ума должна привыкнуть къ тому, чтобы ожидать другую. Постоянная привычка сравнивать ихъ первыя идеи съ послѣдними еще больше увеличить ихъ проицательность.

Какое благотворное дѣйствіе производила бы эта превосходная способность догадливости, свойственная женщинамъ, если бы взгляды ихъ расширялись дальше настоящей минуты, если бы онѣ проникали въ различные умы не для того только, чтобы раздѣлять ихъ вѣчное движеніе, но извлекали-бы пользу изъ ихъ кратковременнаго расположенія и направляли-бы ихъ къ добру! Твердые, возвышенные, осмысленные принципы, соединенные съ естественнымъ дарованіемъ женщинъ, одни только могутъ привести къ высотѣ этого призванія наставницы, которое повидимому предназначено имъ на землѣ. Что можетъ лучше привести къ исполненію его, какъ не ихъ часто счастливый инстинктъ, если бы онъ въ одинаковой степени сопровождался разумомъ!

Къ причинамъ, замедлившимъ умственное развитіе женщины, принадлежатъ идея постоянно занимать ихъ спеціальнымъ назначеніемъ ихъ. Совершенно ложно предположеніе, что постоянно думая о немъ, онѣ лучше сѣумѣютъ исполнять его. Думая и разсуждая только о лицахъ и ни о чемъ больше, онѣ нисколько не интересовались вещами; истина сама по себѣ не привлекала ихъ вниманія; онѣ ее слишкомъ мало знали или не признавали для того, чтобы передавать ее другимъ во всей чистотѣ ея. Благородная способность ума человѣческаго видѣть то, что есть и что должно быть, эта способность, говорю я, оставалась въ нихъ совершенно праздною, а слѣдовательно и не развитой.

Мы не отрицаемъ того, что женщина стоитъ на низшей степени; но обвинять ее въ неспособности къ чему бы то нибыло, значило бы говорить по неопытности и судить по аналогіи, которая можетъ быть обманчива. Существуетъ одинъ фактъ, на который не обращено было вниманія; это совершенное умственное равенство молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ, покуда ихъ воспитываютъ вмѣстѣ. Онѣ съ одинаковымъ интересомъ предаются изученію всѣхъ отраслей науки и занимаются ими съ равнымъ успѣхомъ; неравенство ихъ начинается только тогда, когда одинъ полъ получаетъ болѣе солидное обученіе, нежели другой. Никакого сравненія не могли бы выдержать значеніе и важность идей, которыми надѣляются головы мужчинъ и женщинъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, въ періодъ, самый благопріятный для умственныхъ успѣховъ. Что видимъ мы у молодыхъ дѣвушекъ? Вся дѣятельность жизни поглощается у нихъ интересами тщеславія и удовольствій; обученіе, подстрекаемое самолюбіемъ, равно чудомъ развитію разума и жадѣ знаній; совершенное равнодушіе къ тому, что изучается, лишь бы только казалось, что оно изучается; уроки, лишены послѣдовательности такъ же какъ

и метода, и получаемые, по крайней мѣрѣ въ ихъ болѣе серьезномъ отдѣлѣ, какъ бы для успокоенія совѣсти, а не въ виду происходящихъ отъ нихъ результатовъ: вотъ болѣе чѣмъ достаточныя причины, чтобы доказать намъ умственную слабость женщинъ. А когда мы подумаемъ, что онѣ не всегда были такими, какъ теперь; когда мы вспомнимъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ женщины различныхъ странъ оказали блестящіе успѣхи въ искусствахъ и даже наукахъ, въ которыхъ наименѣе ожидаютъ отъ нихъ успѣха,—какъ не приписать болѣею частію воспитанію этого недостатка, который имъ приписываютъ? «Мыѣ кажется», говоритъ Г. Томасъ въ своемъ «*Essai sur les femmes*», женщины обучались, приходя въ энтузіазмъ отъ самого знанія; онѣ чувствовали въ немъ большую потребность, которая поддерживалась духомъ времени и проникала даже въ одиночество». Теперь конечно это не такъ.

И въ наше время не мало неожиданныхъ успѣховъ опровергли это легкомысленное мнѣніе даже и въ такихъ отрасляхъ науки, которыя кажутся наиболѣе чуждыми вкусу и таланту женщинъ, въ математикѣ, напримѣръ. Дѣвица Жершенъ, во Франціи, а г-жа Сомервилъ въ Англіи достигли въ этомъ отношеніи высокой степени, и по всей вѣроятности эти знаменитыя личности не предавались съ дѣтства такимъ умственнымъ упражненіямъ, какія требуются отъ мужчинъ. Когда воспитаніе, даваемое женщинѣ, будетъ такъ же прочно и твердо, какъ оно было несвязно въ продолженіи двухъ послѣднихъ вѣковъ, тогда можно будетъ произнести приговоръ ихъ способностямъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Мы сами вовсе не добиваемся для женщины глубокаго и обширнаго образованія; мы бы желали только, чтобы оно было благоразумнѣе, основательнѣе въ принципахъ своихъ и болѣе поощрало бы ихъ къ мысленію. Намъ хотѣлось бы,

чтобы міръ физическій и нравственный казался имъ достойнымъ изученія, чтобы любопытство ихъ обращалось подчасъ ко всеобщимъ интересамъ и въ природѣ, а не къ вѣчнымъ интересамъ общества. Еслибъ мы желали, чтобы способности ихъ направлялись извѣстнымъ образомъ, какъ способности, дѣлающія наиболѣе чести мужчине, такъ это для того, чтобы лучше было исполнено ихъ призваніе женщины, потому что и оно требуетъ развитія умственной стороны. Всѣ особенныя дарованія не имѣютъ никакого значенія, если мы противодействуемъ законамъ, по которымъ человѣческій разумъ расширяется и возвышается. Покуда женщины не будутъ способны судить о вещахъ безпристрастно, покуда для нихъ весь интересъ будетъ заключаться только въ впечатлѣніи, въ возбужденныхъ или воспринятыхъ ими душевныхъ волненіяхъ, онѣ не будутъ ни супругами, ни друзьями, ни матерями въ полномъ смыслѣ слова; и даже еслибъ рѣчь шла объ успѣхахъ искусства или литературы, я скажу, что онѣ могутъ выказать блестящіе таланты, но никогда не достигнутъ истинной высоты.

Мы вовсе не добиваемся славы для женщины, и только у тѣхъ, которыя сдѣлались извѣстными, мы ищемъ признаковъ направленія мыслей всего пола. Что мы находимъ вообще въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ?—всегда почти изліяніе ихъ личныхъ чувствъ. Онѣ изображаютъ общество и сквозь болѣе прозрачный или густой покровъ свои собственныя страданія въ немъ, препятствія, которыя всегда встрѣчаетъ экзальтированная привязанность. Лирическая поэзія выразилась у нихъ въ звукахъ трогательныхъ, страстныхъ, величественныхъ подчасъ. Но главное мѣсто во всѣхъ произведеніяхъ ихъ занимаетъ любовь. Изъ десяти твореній, изданныхъ ими, въ девяти любовь навѣрное играетъ первую роль. А когда мы рассмотримъ литературныя произведенія мужчинъ, то увидимъ, какъ мало они занимались этимъ чув-

ствомъ,—что служить намъ разительнымъ доказательствомъ того, что чувство это было всегда для женщины источникомъ страданій. Итакъ здраво-ли это умственное и нравственное состояніе и было-ли бы желательно оно? Развиваются-ли въ равной пропорціи ихъ способности? Гдѣ же дѣвалась универсальность ума женщинъ шестнадцатаго вѣка? Наши получаютъ только одно направленіе мыслей и—самое опасное.

Да; но такова должна быть женщина, скажутъ намъ: тогда только она вѣрна своей природѣ, тогда она прелестна. Такова женщина, соотвѣтствующая безумнымъ, скажу болѣе, жестокимъ требованіямъ, жаждущимъ жертвъ; но такова ли женщина, соотвѣтствующая Божіему предназначенію? И потомъ, развѣ только въ этомъ и состоитъ ея назначеніе, чтобы плѣнять? Развѣ ей больше нечего дѣлать на землѣ? Не слишкомъ ли дорого обошлось бы намъ это прелестное существо, такъ часто несчастное за то, что оно плѣняло, если ему приносить въ жертву благоразуміе и умъ двадцати другихъ существъ? Это, поставляемое женщинѣ, обязательство быть прелестной—унизительно для нея самой! Позаботимся лучше о развитіи въ молодой дѣвушкѣ великихъ и благородныхъ принадлежностей человѣчества; пріятныя стороны ея разовьются сами собою и ничего на этомъ не потеряютъ.

Мы увѣрены, что болѣе разсудительное умственное образованіе, болѣе раціональное, болѣе достойное существа безсмертнаго, пробудило бы въ женщинѣ много дарованій, которыхъ въ нихъ и не подразумеваютъ, и сообщило бы ихъ спокойнымъ и серіознымъ умамъ ту долю развитія, въ которой имъ отказали.

Тогда справедливая оцѣнка обоюдныхъ преимуществъ мужчины и женщины установила бы, безъ сомнѣнія, неравенство между обоими полами, но оно не было бы такъ велико, какъ намъ теперь кажется, по крайней мѣрѣ, женщины всегда

бы понимали и съ интересомъ слѣдили за идеями мужичинъ. Теперь онѣ не въ состояніи этого сдѣлать. Но во всякомъ случаѣ мы должны сознаться, что и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ мужичины будутъ имѣть преимущество надъ нами, потому что природа ихъ выше нашей.

Но въ чемъ же это они выше жепичинъ? Быть можетъ, не въ одномъ изъ качествъ, которыя можно назвать. Болѣе преданные чувственнымъ страстямъ, они ни болѣе религіозны, ни болѣе преданны, ни болѣе добродѣтельны, ни, быть можетъ, болѣе умны, чѣмъ мы, а между тѣмъ мы чувствуемъ, что они созданы для господства надъ нами и не только матеріальнаго, но и нравственнаго. Они, по видимому, имѣютъ какое-то внутреннее могущество, силу воли, которая выражается во всѣхъ отношеніяхъ. Однимъ словомъ—ихъ я сильнѣе нашего. Они имѣютъ инстинктъ господства, этотъ гордый и твердый нравъ, который возвысилъ римлянъ надъ народами болѣе образованными, болѣе утонченными. Мы же обладаемъ дарами побѣжденныхъ націй, дарами прекрасными, но которые даже и въ красотѣ своей лишены величія.

Какое же значеніе будутъ имѣть достоинства эти предъ Богомъ? Сами по себѣ никакого, конечно. Это только блага заимствованныя, въ которыхъ однажды мы дадимъ отчетъ, заимствованныя однако съ благимъ намѣреніемъ. Взглянемъ съ благодарностію на эти обѣ стороны рода человѣческаго, обѣ такъ богато одаренныя. Каждая изъ нихъ находитъ въ другой помощь и утѣшеніе въ томъ, чего ей недостаетъ; обѣ онѣ, достаточно обладаютъ одинаковыми естественными способностями для того, чтобы взаимно угадывать другъ друга; но все-же въ каждой изъ нихъ есть нѣчто таинственное, что придаетъ особенную прелесть ихъ отношеніямъ.

Тогда, если священный союзъ навсегда соединяетъ два существа съ этими различными достоинствами, то каждое

изъ нихъ, замѣчалъ въ другомъ превосходство извѣстныхъ качествъ, уважаетъ его и даже удивляется ему. Это рождаетъ привязанность и взаимное уваженіе между ними, не смотря на общія несчастія, которыя ихъ могутъ встрѣтить. Если бы эти несчастія не существовали, тогда можно было бы надѣяться въ соединеніи ихъ различныхъ достоинствъ встрѣтить полный идеалъ человечества. Апостолъ Павелъ хотѣлъ доказать намъ, что никогда идеалъ этотъ не можетъ быть достигнутъ въ одной изъ половинокъ независимо отъ другой, написавъ эти замѣчательныя слова: «*мужъ не можетъ предстать безъ жены, ни жена безъ мужа предъ Всевышнимъ*». *Ни мужа безъ жены, ни жена безъ мужа о Господь* (1 Кор. XI, П).

Глава V.

Обыкновенные недостатки воспитанія.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что недостатки, которые мы приписываемъ матерямъ, относятся далеко не ко всѣмъ. Есть много такихъ матерей, которыя могутъ служить образцомъ; то, что мы совѣтуемъ, онѣ исполнили въ совершенствѣ. Мы должны признать, что большая часть женщинъ, сдѣлавшись матерями, много выиграли. Онѣ вполне почувствовали всю важность этой обязанности, и небрежность уступила мѣсто заботливому вниманію. Заблужденія, которыя мы укажемъ, болѣе замѣчались лѣтъ тридцать тому назадъ, но слѣды ихъ еще остались доселѣ.

Приписывая многое воспитанію, мы менѣе ропщемъ на результаты, чѣмъ на самое направленіе его.

Женщины вообще далеко лучше того, чего можно было ожидать отъ нихъ въ слѣдствіе того воспитанія, которое имъ дается. Въ дупѣ ихъ есть высокое начало, божественный лучъ коего не можетъ быть вполне помраченъ, и нѣкоторые

изъ принциповъ, которые по неволѣ имъ внушаютъ, приносятъ подчасъ неожиданные плоды. Потомъ вдругъ у нихъ развиваются такіа прекрасныя самоотверженныя чувства, и въ особенности чувство матери такъ возвышаетъ ихъ надъ личными интересами, что внушенный имъ эгоизмъ исчезаетъ совершенно предъ болѣе чистымъ побужденіемъ. Но системы воспитанія, нельзя оправдывать тѣмъ, что происходятъ независимо отъ нея.

Можетъ быть, мы уклонимся отъ точнаго опредѣленія, если ставемъ говорить о послѣдовательномъ ходѣ или системѣ воспитанія, принятой матерями. У нихъ, конечно, мало замѣтно метода и опредѣленнаго плана; но чувства заправляющія воспитаніемъ, замѣняютъ у нихъ опредѣленные принципы, и, въ силу, этого они всегда ведутъ дѣло воспитанія по одной и той же дорогѣ, и видимо стремятся къ одной и той же цѣли. Чувство, воспламеняющее матерей, есть чувство сильной привязанности: эгоизмъ, въ которомъ мы упрекаемъ ихъ, овладѣваетъ не ими самими, жизнь ихъ переходитъ въ ихъ дочерей, но въ нихъ переходитъ, увы! и часто чрезмѣрное самолюбіе ихъ,—а вѣмъ извѣстно, съ какой легкостью качество это распространяется. Тщеславіе изъ самоотверженнаго, какимъ оно было въ матери, становится въ дочери личнымъ. Обѣ онѣ одинаково легкомысленны; но легкомысліе, которое въ матери вознаграждалось преданностію, въ дочери выражается эгоизмомъ.

Какимъ же образомъ это можетъ случиться, если религія ставитъ ихъ выше этихъ недостатковъ, и если воспитаніе внушаетъ правила христіанства вѣмъ женщинамъ? Да, воспитаніе внушаетъ правила христіанства, но не внушаетъ его духа. Притомъ христіанство, состоящее въ исполненіи внѣшнихъ формъ и обрядовъ, не имѣетъ никакого значенія; это дань обычаю, продолженіе той рутинѣ, которая всегда возоб-

повлечь тѣже недостатки. Недостатки эти даже рѣдко можетъ предотвратить повидимому глубокое религіозное образованіе: въ немъ также можетъ быть недостатокъ христіанскаго духа, и образованіе теряетъ тогда лучшую основу надеждъ своихъ.

Поймутъ ли пастъ, если мы скажемъ, что чрезмѣрная торопливость пожинаетъ плоды религіи причиною того, что самъ корень ея мало обработанъ? Хотятъ извлекать изъ нея земную пользу; все вниманіе обращено только на тѣ выгоды, которыхъ отъ нея ожидаютъ. Но самая большая выгода, которую можетъ представить намъ несовершенное религіозное образованіе,—это—благоразумное и правильное поведеніе. Но этого результата мы не достигаемъ, а если и достигаемъ, то по чисто-человѣческимъ причинамъ, которыя оставляютъ въ душѣ нашей мѣсто всѣмъ дурнымъ страстямъ и не служатъ намъ порукою нашей будущности. И это потому, что не надлежащимъ образомъ относились къ религіи: въ правилахъ ея видѣли только орудіе къ достиженію другихъ цѣлей. Одинаково справедливо то, что религія есть лучшее средство къ достиженію въ этомъ мірѣ всего прекраснаго и достойнаго уваженія и что, если ее употребляютъ какъ средство, сила ея ослабѣваетъ и она не имѣетъ того дѣйствія.

Почему же это такъ? А потому, что если вы употребляете ее какъ орудіе, она имѣетъ для васъ только второстепенное значеніе, такъ какъ она подчиняется той пользѣ, которую вы желаете извлечь изъ нея; понятно, что если бы вамъ представилось болѣе дѣйствительное средство, вы оставили бы это въ сторонѣ. Итакъ, если цѣль вашу составляетъ жизнь земная,—вы ставите ее выше жизни небесной, выше вѣчности, и съ тѣхъ поръ религія не имѣетъ больше силы. Если же, наоборотъ, земная жизнь служитъ вамъ только путемъ къ достиженію соединенія съ Богомъ въ жизни небесной, тогда вы достигнете того, что ваша земная жизнь будетъ хороша и разумна.

Миссія религіи на землѣ состоитъ въ томъ, чтобы освящать душу нашу; ея правила, ея исторія, ея тайны, даже чудо искупленія ея—все способствуетъ тому, чтобы привести насъ къ Богу, къ этому Богу святости, который, не будучи въ состояніи соединиться со зломъ, захотѣлъ обрушить царство зла на Свое твореніе. Итакъ сердечное возрожденіе, произведенное помощію свыше посредствомъ молитвы, есть единственное непосредственное благодѣяніе, котораго мы можемъ ожидать отъ религіи; но изъ этого благодѣянія возникнутъ современемъ всѣ прочія.

Искать въ религіи преимущественно высокихъ и поэтическихъ ощущеній и видѣть въ ней главнымъ образомъ утѣшающую сторону есть также земная цѣль. Нѣжная мать можетъ указывать дѣтямъ своимъ на благодать Божию въ природѣ, восхвалять красоты, чудеса творенія; она можетъ указывать на религію, какъ на силу, осушающую всѣ слезы, изливающую благодатное исцѣленіе на раны наши. Все это справедливо; это лучи, истекающіе изъ центра; но центръ всего Господь! Это солнце справедливости, посяющее здоровье въ лучахъ своихъ. Гдѣ же возрождающій принципъ Божественной святости въ этихъ частныхъ соображеніяхъ, а тогда гдѣ же религія? Дайте пробиться въ молодыхъ душахъ чистому и обильному источнику любви, благоговѣнія къ Богу правды, къ Богу трижды святому,—и изъ него вытекутъ для нихъ тысячи оживляющихъ и освящающихъ ручьевъ. Но если вы приведете ихъ только къ мелкимъ источникамъ водъ блуждающихъ на пескѣ,—лѣтній солнечный жаръ скоро иссушитъ ихъ.

Какую помощь представляетъ самый духъ христіанства для выполненія различныхъ цѣлей, которыя можетъ имѣть благоразумная мать? Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что подвижная женская организація, что ихъ живая слишкомъ впечатлительная натура требуетъ достаточно сильнаго подав-

ляющего могущества? Отвергают — и совершенно справедливо-материальное принужденіе: — оно парализуетъ всякое движеніе и уничтожаетъ такимъ образомъ нравственное существо. Но какиимъ образомъ обуздывать тогда въ молодыхъ дѣвушкахъ пылкость и непостоянство ихъ желаній? Какимъ образомъ, отказывая имъ въ томъ, чего онѣ хотятъ, требовать отъ нихъ ревностнаго исполненія того, что имъ не нравится?

Тогда, я знаю, противопоставляютъ другъ другу двѣ довольно общія вещи: любовь къ удовольствію — съ одной стороны и боязнь порицанія — съ другой; но изъ этого столкновенія противоположныхъ чувствъ возникаетъ внутреннее несогласіе, капризы, часто — досада. Въ искреннемъ благочестіи, наоборотъ, есть поощряющее свойство. Это всегда одно и тоже чувство, которому угождаютъ или которое оскорбляютъ; дѣло всегда идетъ о послушаніи или оскорбленіи Господа, а въ мотивѣ лишенія есть также нѣчто говорящее душѣ. Изъ этого вытекаетъ гармонія между мыслями и поступками, такъ способствующими прелести женщинъ. И почему бы намъ бояться говорить о прелести ихъ, когда это непреодолимое очарованіе служитъ всегда выраженіемъ душевнаго согласія искренняго и чистаго сердца, уступающаго добрымъ движеніемъ и нескрывающаго противныхъ ему?

Мы замѣтили, что качества особенно свойственныя женщинамъ — нѣжность сердца, состраданіе, любовь къ прекрасному, веселое и кроткое воображеніе, духовное довольство или покорность, спиритуализмъ истиннѣе или предчувствіе невидимаго міра — суть именно тѣ принадлежности, которыя христіанство стремится развить въ душахъ; скажемъ здѣсь, что, по крайней мѣрѣ, его скрытая сила такова, что она уравниваетъ подчасъ нѣсколько смягчающее дѣйствіе этихъ столь прекрасныхъ качествъ святою строгостію своей морали.

Но какимъ образомъ вели борьбу противъ увлеченія такъ свойственнаго женщинамъ? Какое средство употребили для того, чтобы имъ внушить необходимую силу сопротивленія, обезпечивающую ихъ? Въ нихъ вселяли боязнь общественнаго мнѣнія.

Мы не можемъ слишкомъ легкомысленно упрекать матерей. Совершенно справедливо, что во всемъ, что не относится непосредственно къ нравственности, общественный обычай установилъ дѣльный кодексъ приличій, которыми женщины не могутъ сопротивляться безнаказанно.

Итакъ предоставимъ молодымъ дѣвушкамъ уважать воспретительные законы общественнаго мнѣнія; эти законы часто имѣютъ свое основаніе; часто они указываютъ на извѣстныя опасности, которыхъ молодость не замѣтила бы или, можетъ быть, старалась бы преодолѣть. Боязнь оскорбить строгіе взгляды даже въ томъ, что само по себѣ не кажется достойнымъ порицанія, есть чисто женская деликатность и какъ бы запятна непорочности. Наконецъ изъ этого могутъ возникнуть только лишенія, которымъ женщина всегда охотно подчиняется. Итакъ воспретимъ дочерямъ нашимъ нарушать защиту общественнаго мнѣнія, но, если мы желаемъ имъ добра, то не будемъ дѣлать двигателемъ ихъ жажду похвалы. Нѣтъ ничего столь желательнаго въ воспитаніи, что бы не могло быть достигнуто болѣе благородными чувствами.

Въ этомъ-то и состоитъ несчастіе, что именно пѣзность матерей дѣлаетъ ихъ рабынями общественнаго мнѣнія: надо современемъ представить свѣту приличную, граціозную, хорошо образованную особу, способную посредствомъ привлечательныхъ сторонъ своихъ представить выборъ для супруга, и благоразумнымъ умѣнемъ держать себя привлечь общее расположеніе, чтобы никто не старался отвлечь мужа отъ его выбора.

Изъ этого двойаго желанія происходитъ все образованіе.

Развѣ-жъ это желаніе не естественное?—скажутъ намъ. Естественное, конечно, но по совершенно свѣтскимъ побужденіямъ, а слѣдовательно поверхностнымъ и узкимъ. Мы также желаемъ достигнуть подобаго результата; мы также надѣемся видѣть нѣкогда молодыхъ дѣвушекъ хорошими и уважаемыми женами, но это будетъ только отдаленное послѣдствіе другой цѣли. Напротивъ, матери, которыя поставляютъ прямою цѣлью образованія замужество, а средствомъ служеніе общественному мнѣнію, посвящаютъ дѣтей своихъ неисправимой посредственности.

Кто же не видитъ, что подобныя намѣренія прямо ведутъ прежде всего къ заботѣ о внѣшности, и что образованіе считается дѣйствительнымъ и истиннымъ тогда только, когда оно имѣетъ отношеніе къ внѣшнымъ и пріятнымъ качествамъ? Извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоятъ эти внѣшнія качества,—если онѣ и скрываютъ въ себѣ внутреннія достоинства, то не скрываютъ сами себя. Въ этомъ отношеніи нужно отказаться отъ обольщенія; внутреннія достоинства не выражаются ни въ наружности, ни въ талантахъ, которыми блистаютъ въ обществѣ. А именно на эти-то предметы въ особенности и обращается вниманіе матерей, на нихъ употребляются все усилія,—остальное можетъ оставаться въ гѣни. Кто обратится когда-либо съ вопросомъ къ молодой дѣвушкѣ о ея принципахъ, о ея знаніяхъ, о ея кротости?

Итакъ великая цѣль нравственнаго воспитанія,—гармоническое развитіе способностей остается совершенно неизвѣстно матерямъ. Если матерей можетъ смущать необходимость сообщенія дочерямъ извѣстныхъ познаній, то тѣмъ не менѣе онѣ питаютъ инстинктивную боязнь къ ихъ способностямъ. Силы эти въ ихъ глазахъ имѣютъ нѣчто опасное.

Духъ изслѣдованія или желаніе переходить отъ дѣйствій къ причинамъ, потребность точнаго разсужденія, даже само воображеніе и вкусъ къ прекрасному выражается въ требованіяхъ, которыя могутъ иногда ставить въ затрудненіе. А между тѣмъ это—врожденные дѣятели умственного образованія; это единственные принципы жизни, которые стремятся расширить свое дѣйствіе. За то память оказывается спокойнымъ слугою, который жаждетъ одного,—какъ можно меньше дѣла; а между тѣмъ обращаются къ памяти; но какой интересъ можетъ имѣть тогда ученіе?

Молодые дѣвушки и не находятъ въ немъ никакого интереса. Вслѣдствіе привычки обращать все вниманіе на лица, гадывать что бы могло привлечь имъ похвалу, развитіе своеобразной прозорливости есть единственный успѣхъ ихъ, и одна часть ихъ ума развивается на счетъ всего остального. Отсюда происходитъ равнодушіе ихъ къ сколько нибудь общимъ идеямъ, къ дѣйствительности, къ истинѣ во всемъ, что не имѣетъ непосредственнаго употребленія; отсюда—ихъ страстныя и мало просвѣщенные мнѣнія, отсюда убѣжденіе, что всѣ препятствія, встрѣчаемыя ими, вытекаютъ изъ личностей и недоброжелательствъ; отсюда предразсудки различныхъ классовъ общества, партій, національностей; отсюда невозможность для нихъ быть безпристрастными; отсюда, наконецъ, все зло внутри умственного поприща и внѣ его.

Слѣдуетъ ли удивляться такимъ результатамъ? Образованіе никогда не заботилось о томъ, чтобы сформировать просвѣщенный умъ, разумное созданіе; старались только доставить молодой дѣвушкѣ полный выборъ самыхъ мелкихъ познаній. Все дѣло состояло въ томъ, чтобы обученіе прилежало къ известному «зачисленному» уровню; въ которомъ все учреждалось обычаемъ; это даже принимало видъ системы. Къ чему, говорятъ, послужила бы женщинѣ болѣе глубокая

наука? Матеріально ни къ чему, быть можетъ, отрѣчу я. Совершенно положительной цѣли не можетъ быть вовсе для лицъ, которыя не будутъ имѣть никакого спеціального занятія; цѣль матеріальныхъ выгодъ, даже славы можетъ быть воспріеята ими по тысячѣ причинъ; но умышленно дать обѣднѣть, изсохнута умамъ, призваннымъ для того, чтобы формировать другіе умы и, быть можетъ, находить великое счастье въ своемъ собственномъ развитіи,—это варварство, это нравственное искаженіе, которое отзовется на будущихъ поколѣніяхъ. Какимъ образомъ послѣ этого жаловаться на узкость идей женщинъ?

Еще болѣе того,—система эта вызвала и нравственный упадокъ. Въ той области сознанія, въ которой женщина по убѣжденіямъ своимъ стоитъ на равнѣ съ мужчиной и часто выше его по чистотѣ жизни своей, кажется, одинаково боялись великихъ достоинствъ характера ея и великихъ способностей ума. Смутно чувствовали, что самыя благородныя принадлежности человѣчества,—святая любовь къ истинѣ, къ справедливости, великодушная откровенность, сила души представляли подчасъ препятствіе совершеннѣйшей гибкости, требуемой отъ женщинъ. Въ этомъ не было конечно предвзятаго намѣренія; часто матери восхваляли добродѣтели, развитіе которыхъ имъ трудно было поощрять, потому что сами онѣ не обладали ими. Какимъ образомъ возбудить энергію въ другомъ, если мы сами безпрерывно представляемъ примѣръ робкихъ поступковъ? Какая молодая дѣвушка не замѣтитъ, что отъ нея стараются скрыть тысячу вещей? Развѣ ее безмолвно не обучаютъ искусству уловокъ, упрекая ее такъ часто въ недостатокъ ловкости?

Однако эти полусискусственные привычки не настолько располагаютъ ее къ кротости и мягкости, какъ этого ожидали; часто необдуманное, капризное возмущеніе замѣняетъ

основательное сопротивление, котораго опасались. Добродѣтель скромности и покорности женщинъ не пріобрѣтается и приносятся въ жертву богатыя качества, которыми часто ихъ надѣляетъ природа. Какъ прекрасно было бы умѣрять выраженія энергическихъ чувствъ порядочнаго человѣка пѣжностью чувства и симпатіей женщины!

Таковъ нашъ главнѣйшій упрекъ воспитанію. Большая часть предпринимаемыхъ намѣреній можетъ быть оправдана, но дѣло въ томъ, что для исполненія ихъ не употребляются самыя тучныя двигатели сердца человѣческаго. Если бы желанія матери были сколько нибудь благоразумны,—она шла бы большую помощь въ добрыхъ чувствахъ своего дитяти, она видѣла бы, что симпатія, самоотверженіе, доброта, желаніе способствовать хоть нѣсколько минутъ счастью другихъ—сдѣлали бы отношенія дочери ея къ обществу легкими, пріятными и упрочили бы за ней его расположеніе; ея собственная скромность и естественное достоинство ея познано бы помогши бы внушить ей такія приличія. Кромѣ того, вѣдь, который такъ легко внушить въ множество интересныхъ вещей въ искусствѣ и природѣ, содѣйствовать бы пріятности ума въ молодости дѣлушнѣ. Чѣмъ больше вы отвратите вниманіе ея отъ ея собственныхъ усилій, тѣмъ болѣе встрѣтите въ ней привлекательности и прелести. Почему вы предпочитаете прибѣгать къ самолюбію, къ этому суетному эгоизму, который унижается до такой мелочности и возбуждаетъ столько дурныхъ страстей?

А объ этомъ и не помышляютъ, что подобное настроеніе оканчивается тѣмъ, что поглотитъ всю жизнь. Самолюбіе, достаточно прозорливое для того, чтобы понимать самолюбіе другаго, въ одно и тоже время становится и движущею силой и регуляторомъ поведенія; оно налагаетъ печать свою на поступки, даже на убѣжденія; душевная жизнь испор-

чена имъ, все поддѣльно до глубины сердца. Въ противоположность тому, что должно было быть, все сужденія происходятъ отъ другихъ, а все чувства для себя. Женщина не чувствуетъ необходимой потребности любить кого-либо, напротивъ, ей необходимо, чтобы ее любили, ею восхищались; она мало заботится о томъ, что сама чувствуетъ, главное дѣло въ томъ, чтобы другихъ заставить чувствовать. Тѣни этого характера измѣняются со временемъ, но основаніе его всегда остается то же. Итакъ, во время молодости она желаетъ восхищать собою, позже интересоваться, въ зрѣломъ возрастѣ внушать почтеніе, занимать важное мѣсто въ умахъ другихъ, по достоинству своему, по богатству, приводить ихъ подчасъ въ робость торжественной внѣшностію своею. Что можетъ быть въ жизни ничтожнѣе этого?

Съ этихъ поръ все отличительныя свойства женщинъ измѣняются; чувствительность, устремленная на самое себя, малозамѣтна. Жалобы, слезы, нѣжное состраданіе,—все относится къ себѣ; естественныя привязанности охладѣваютъ. Это веселое воображеніе, столь чувствительное къ воспріятію пріятныхъ впечатлѣній, этотъ врожденный вкусъ къ высокому и прекрасному, которыя въ женщинѣ имѣютъ столько граціи, уничтожаются совершенно. Искусства не существуютъ для нихъ сами по себѣ; неожиданныхъ душевныхъ волненій не существуетъ больше; идея о томъ, какое дѣйствіе онѣ производятъ на другихъ, всегда предупреждаетъ то дѣйствіе, которое онѣ должны были произвести въ душѣ; если же сами онѣ посвящаютъ себя какому нибудь искусству, тогда ими овладѣваетъ хвастовство, принужденность, желаніе удивлять. Сама природа, не есть болѣе природа; онѣ перестаютъ чувствовать красоту творенія; потому что постоянно заняты своею собственною красотою; цвѣты служатъ только украшеніемъ, пейзажъ—фономъ картины, способствующей украшенію ихъ

собственной личности. Употребляются всевозможныя средства, чтобы поработать, но обворожительницею является всегда она сама.

Конечно, зная свѣтъ, избѣгаютъ слишкомъ замѣтно обнаруживать тщеславіе; нужно съ особенною ловкостію идти къ цѣли; но какая привлекательная молодая дѣвушка не видитъ того, что лучшее средство обезоружить судей своихъ это—очаровать ихъ? Съ этою цѣлью она готова обратиться къ половинѣ рода человѣческаго, которую ей весьма легко обворожить, другая же половина, которою она подчасъ пренебрегаетъ, а подчасъ боится, представляетъ для нея только предметъ осторожности. И какъ не находить удовольствія съ тѣми, которымъ мы больше правимся? И какъ не удаляться отъ тѣхъ, которые завидуютъ нашему успѣху и мѣшаютъ ему? Женщины стараются проникнуть другъ друга, угадываютъ одна другую, но безъ истинной симпатіи, и та, которая вслѣдствіе этого становится менѣ чувствительна къ дружбѣ, теряетъ въ одно и тоже время большое счастье и могущественную защиту.

Въ чувствахъ прожженныхъ, какова напримѣръ извѣстная степень самолюбія, излишество, преданное имъ воспитаніемъ, одно заслуживаетъ порицанія. А какое неумѣренное употребленіе сдѣлало воспитаніе изъ тщеславія, такъ легко возбуждаемаго въ женщинахъ! Оно возбуждало его почти во всѣхъ странахъ, вездѣ мы встрѣчаемъ его въ различныхъ видахъ: въ высшемъ классѣ оно то выражается въ жадѣ почестей, то во всепоглощающей зависти къ высшимъ почестямъ другихъ классовъ, то въ легкомысліи, кокетствѣ, страсти къ успѣху, то въ педантизмѣ нравственности, претензіи на мудрость, на почтеніе, то въ жеманной и сентиментальной аффектаціи,—это, наконецъ, дѣло географіи указать мѣсто во всѣмъ различнымъ видамъ его. Но основаніе ихъ будетъ

всегда одно и тоже, всегда интересъ существованія будетъ зависѣть отъ того, что прочтется въ глазахъ другихъ. И можно ли удивляться, что такое поработченіе личнаго мнѣнія имѣло слѣдствіемъ недостатки или слабость духа, наконецъ посредственность характера и ума? Чего можно ожидать отъ дарованій, жизнь которыхъ заключается не въ нихъ самихъ, а представлять только не рѣшительный или дурно направленный отголосокъ общественнаго мнѣнія?..

Это полное сухости душевное настроеніе оберегаетъ ли по крайней мѣрѣ молодую особу отъ тѣхъ страстей, которыхъ опасались для ея пола? Мы полагаемъ, напротивъ, что въ немъ одною опасностію больше. Конечно, она прежде всего увидитъ въ томъ расположеніи, которое успѣла внушить, блестящій успѣхъ; но сердце женщины никогда не бываетъ достаточно холодно для того, чтобы поводъ къ удовлетворенному тщеславію не могъ ея воспламенить.

Когда это похощеніе себѣ, наполнивши всю вашу жизнь, начинаетъ раздѣляться другимъ преданнымъ существомъ, когда это существо признасть, когда оно обожаетъ въ васъ тотъ идеалъ совершенства, который вы сами въ себѣ видѣли, когда все, что только есть иѣжнаго въ чувствѣ и умоительнаго въ энтузіазмѣ, соединяется для того, чтобы очаровать женщину пустую,—какимъ образомъ можетъ она устоять противъ этого соблазна? Реторика матерей истощилась въ томъ, чтобы въ подобномъ случаѣ направлять эгоизмъ противъ эгоизма. Напрасная попытка! Испытавъ однажды счастье, славу быть обожасмой, отказаться отъ этого было бы свыше силъ человѣческихъ. Нисойти съ этого высокаго престола къ окружающей холодности и строгости, которая не признаетъ въ васъ никакого совершенства и выкажетъ не довольство къ вашей иллюзіи, слишкомъ поздно разсѣянной, представится вамъ ничѣмъ инымъ, какъ медленною смертію. Тогда въ

эгоизмъ нѣтъ ничего поддерживающаго: опора будетъ подобна камышу, сверлящему вашу руку.

Имѣете ли вы рѣшительное средство, скажутъ намъ, чтобы опезпечить женщину отъ такой опасности? Въ этомъ мірѣ нѣтъ вѣрнаго средства противъ уже однажды возбужденныхъ страстей. Благоразумная мать можетъ, конечно, замедлить начало ихъ, не позволяя себѣ употреблять подобнаго возбужденія въ воспитаніи, но почти всеобщая зараза этого зла не менѣе угрожаетъ овладѣть молодой дѣвушкой рано или поздно. Чтобы предохранить ее отъ этого, необходимо болѣе дѣятельное попеченіе; нужно тщательно развить въ ея сердцѣ единственное расположеніе, истинно противоположное самолюбію, — смиреніе.

Смиреніе до такой степени принадлежитъ самой основѣ христіанства, что религія, внушаемая поверхностно, не можетъ его сообщить. Чтобы смириться, необходимо почитать нравственность выше всего на свѣтѣ и чувствовать, что мы не обладаемъ ею въ совершенствѣ; нужно измѣрять глубину бѣдствій своего собственнаго сердца и понять, что въ сравненіи съ тѣмъ, чего намъ недостаетъ, тѣ достоинства, которыми мы можемъ обладать, не что иное какъ ничтожество. Когда мыслямъ нашимъ непрерывно представляется единственный образецъ совершенства, и когда насъ воспаляетъ желаніе достигнуть этого идеала, — сознаніе тайнаго зла, сдерживающаго нашъ успѣхъ, дѣлаетъ насъ истинно смиренными. То ничтожное мнѣніе, которое мы составимъ о себѣ, будетъ естественный результатъ безконечно высокой идеи добродѣтели. Итакъ, унижая себя въ собственныхъ глазахъ своихъ, христіанинъ одинъ обладаетъ истиннымъ величіемъ мысли, онъ одинъ имѣетъ высокое понятіе о томъ, чѣмъ могло бы быть человѣчество. Достоинство его имѣетъ въ себѣ нѣчто безсмертное и не покидаетъ его также, какъ и предчувствіе будущей жизни.

Смирение и достоинство,—вотъ чего мы желаемъ для женщинъ! Молодая особа, убѣжденная въ несовершенствѣ своей природы и вліяніи воспитанія, которое портить ея лучшія чувства, найдетъ въ смиреніи истинную защиту. Эта добродѣтель часто поможетъ ей избѣгнуть испытаній и сдѣлаетъ ихъ для нея менѣе опасными, если ужъ ей будетъ суждено подвергнуться имъ. Та, которая бы ясно сознала, что такое нравственная красота, смотрѣла бы какъ на безумную профанцію на то обожаніе, котораго она сама причиною. Въ слишкомъ восторженныхъ похвалахъ она видѣла бы недостатокъ справедливости; быть можетъ, она мгновенно порадовалась бы этому, но вскорѣ, прикрываясь, какъ бы щитомъ, сознаніемъ ничтожества своего, она по крайней мѣрѣ старалась бы избѣгать того, чтобы поклоненіе тщеславію не соблазнило слишкомъ нѣжнаго сердца ея.

Даже въ супружеской жизни, гдѣ скорѣе всего можно предаться съ невинностію и увѣренностію отрадному чувству быть страстно любимой, даже и тутъ смиреніе предохраняетъ отъ многихъ печалей. Женщина съ кроткимъ сердцемъ никогда не пожелаетъ воспользоваться господствомъ, которое бы ей могло дать временное увлеченіе. Въ незаслуженномъ почитаніи она видѣла бы дѣйствіе ошибки, родъ заблужденія, которое она одна можетъ простить, но продолженія котораго не желаетъ. Итакъ, приготовленная къ перемѣнѣ, источнику страданій большей части женщинъ, она не отчаявалась бы за свое счастье и видѣла бы только возвратъ къ вѣчному порядку въ прекращеніи безумнаго поклоненія, которое мужъ приносилъ ей.

Конечно, это далеко не тотъ романическій тщеславный духъ, который привитъ столько молодымъ людямъ, духъ, распространенный даже въ воздухѣ, которымъ онѣ дышатъ, и постоянно воспламеняемый воспитаніемъ. Мать, которая

не сознала внутренно идеала истинно высокаго совершенства, ловить измѣнчивые образы, которые по временамъ представляютъ ей многостороннее зеркало общественнаго мнѣнія. Отсюда происходитъ ея вѣчное колебаніе, которое производитъ то, что молодая дѣвушка, переходя отъ серіозныхъ вещей къ пустымъ и безпрестанно порицасмая въ обоихъ случаяхъ, никогда вполне не понимаетъ, чего отъ нея хотятъ и слишкомъ мало понимаетъ мать свою, чтобы ее сильно любить.

Мать эта конечно желаетъ только добра и для достиженія его призываетъ на помощь религію, но религія эта чисто земная; внушасмая для такихъ цѣлей, въ которыхъ даже дѣти могутъ сомнѣваться, она до такой степени предназначается служить мотивомъ, что и этимъ не служить, потому что религія прежде всего движущая сила, и удерживается только посредствомъ возбужденія. Отсюда происходитъ не связанное воспитаніе, не имѣющее интереса и скоро предоставленное забвенію; отсюда происходитъ эта гибель дарованій и характера, которая сосредоточиваетъ въ тщеславіи всѣ чувства, все, что дѣйствуетъ и живетъ въ глубинѣ сердца. Я думаю, что даже свѣтское пустое воспитаніе рѣдко достигаетъ такихъ результатовъ, но слишкомъ достаточно уже того, чтобы стать на пути къ нимъ.

Г л а в а VI.

Вѣроятіе шансовъ къ уменьшенію препятствій, служащихъ сопротивленіемъ совершенству женщины.

Самое выгодное положеніе для прогресса есть то, въ которомъ дарованія, таланты сами по себѣ, не были эксплуатируемы. Таково положеніе женщины во всемъ мірѣ. Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ образованіе ихъ ниже образованія мужчины, и всегда онѣ имѣли меньше средствъ примѣнить его къ дѣлу.

Въ этомъ отношеніи препятствіе къ ихъ усовершенствованію зависитъ отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, но обстоятельства эти такъ важны, онѣ такъ связаны съ современной организаціей общества, что мы не можемъ льстить себя надеждою на то, чтобы всё они прекратились вмѣстѣ. Итакъ мы ограничимся только указаніемъ тѣхъ трудностей, которыя кажутся намъ наименѣе непреодолимыми.

Самое главное препятствіе къ умственному развитію женщинъ представляетъ слишкомъ короткій періодъ времени посвящаемый ихъ образованію. До тѣхъ поръ, пока будутъ считать дѣвушку въ шестнадцать или восемнадцать лѣтъ готовою вступить въ супружество, почти не возможно обученіе, основанное на принципахъ. Какое различное и сложное ученіе должно наполнить короткія годы, въ которыя она способна къ прилежанію! Также, какъ и молодой человѣкъ она должна пройти всё степеніи этого первоначальнаго обученія которое обычая и нравы всѣхъ странъ дѣлають необходимыми, и кромѣ того преданаться еще многимъ другимъ занятіямъ. Искусство въ женскомъ руководѣніи, понятіе и привычка въ домашней экономіи, не считая знанія обязанностей, которыхъ требуютъ различные общественныя отношенія: вотъ чѣмъ имѣютъ право требовать отъ женщинъ, вступающихъ въ замужество; эти необходимыя принадлежности могутъ сопрягаться знаніемъ какаго либо искусства и одного или двухъ иностранныхъ языковъ. Но если бы молодой дѣвушка пришлось посвятить себя тѣмъ усиленнымъ занятіямъ, которыя здѣль только даютъ свободу уму, какимъ образомъ и когда дѣлала бы она это? Итакъ, время отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ, единственные истинно раціональныя годы, этотъ промежутокъ громадной цѣнности для прогресса, когда, разсѣявъ первый мракъ невѣжества и укрѣпивъ здоровье, молодая дѣвушка можетъ предаться своимъ любимымъ заня-

тіямъ, заняться обработкой какого нибудь умственного труда или таланта, свойственного ей, и выказать какую нибудь оригинальность, — этотъ промежутокъ времени посвящается совершенно другого рода заботамъ. Желаніе имѣть успѣхъ въ обществѣ, надежда на замужество или боязнь за него, наконецъ идея о томъ, что судьба ея должна рѣшиться, не оставляютъ мѣста другимъ мыслямъ. Для умственного развитія женщины не достаетъ времени и, что еще хуже, почти всегда не доставало охоты.

Да, охоты; но иначе и быть не можетъ, пока женщины будутъ видѣть, что образованіе ихъ ни къ чему не служить имъ. По истеченіи перваго дѣтства молодой человѣкъ хорошо понимаетъ, что онъ долженъ избрать родъ занятій, выбрать карьеру; образованіе его нужно ему для того, чтобы примѣнить его къ дѣлу, чтобы составить себѣ карьеру, его познанія не повѣрятъ на слово; онъ знаетъ, что долженъ будетъ представить испытаніе и потому имѣетъ причину трудиться; молодая же дѣвушка, на оборотъ, не имѣетъ никакой. — Успѣхи въ обществѣ — единственные заботы, о которыхъ она имѣетъ понятіе, а какая наука можетъ предоставить ей такой успѣхъ, какъ туалетъ, который ей къ лицу, граціозная наружность, счастливое слово? Какъ же ожидать усердія къ прогрессу отъ такой озабоченной головы?

Уничтоженіе такихъ препятствій, какъ недостатокъ времени и охоты, чего нибудь да стоитъ, а иногда и слишкомъ дорого оплачивается преодоленіе ихъ. Итакъ прежде всего позаботились о времени, удерживая его отъ заботъ о здоровьи и самыхъ необходимыхъ тѣлесныхъ упражненій. Это конющее злоупотребленіе, противъ котораго должны возетать медяки, отцы, писатели даже. Развѣ жъ это не ясно, что дать ослабѣть будущимъ матерямъ значитъ приготовить расслабленіе рода человеческого?

Не говоря уже о другомъ весьма важномъ упущеніи, — служеніи семьѣ, я замѣчу, что находятся въ пренебреженіи разнаго рода домашнія обязанности, исполненіе которыхъ придаетъ женщинѣ столько здраваго смысла; а между тѣмъ это преждевременное посвященіе въ таинства дѣйствительной жизни именно служить причиною того, что молодая дѣвушка превосходитъ развитіемъ молодого человѣка, равнаго ей по лѣтамъ и превосходящаго ее по образованію. Кромѣ того уничтожено много тѣхъ веселыхъ досуговъ, которые облегчаютъ и расширяютъ умъ и возстановляютъ душевное равновѣсіе. Накопленіе уроковъ уничтожаетъ всякую веселость, всякій просторъ воображенія, всякое свободное движеніе воли, всякое средство къ размысленію даже о предметѣ науки. Изъ нихъ то дѣлаются пассивныя, угасшія существа, лишеныя всякаго умственнаго движенія даже въ обществѣ, то вдругъ потребность свободы въ молодыхъ дѣвушкахъ до того овладѣваетъ ими, что принужденность воспитанія замѣляется необузданною живостію. Всѣми средствами старались заглушить то кроткое довольство, которое рождается, какъ мы сказали, въ слѣдствіе любви къ спокойствію, и убить въ нихъ всякое невинное и невольное выраженіе самыхъ лучшихъ чувствъ.

Причины эти объясняютъ то предубѣжденіе, которое долго питали къ большимъ свѣдѣніямъ и талантамъ женщинъ; предубѣжденіе, которое могло нѣсколько уменьшиться въ нашу просвѣщенную вѣкъ, но все же еще существуетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы предполагаемъ. Не справедливо было бы дѣйствительно обвинять образованіе въ громадныхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ историческимъ воспитаніемъ; но по истинѣ можно сказать, что современные обычаи общества могутъ допустить въ молодой дѣвушкѣ обширное и солидное

образование, только на счет другихъ, еще болѣе необходимыхъ достоянствъ и привычекъ.

Слѣдовательно порѣшивъ, въ совѣтахъ нашихъ матерямъ о подробностяхъ воспитанія, никогда не лауцать ихъ жертвовать въ воспитаніи тѣмъ, что, по нашему мнѣнію, составляетъ суть и жизнь его, многое изъ требуемыхъ свѣдѣній намъ прійдется сократить, но въ замѣну тѣхъ усилій, отъ которыхъ мы избавимъ память, желательно было бы больше вниманія къ уму и способностямъ.

Но ужели мы не можемъ надѣяться на полное устраненіе тѣхъ затрудненій, которыя современное состояніе общественнаго мнѣнія и нравовъ противопоставляютъ совершеннѣйшему развитію ума въ женщинахъ? Быть можетъ, со временемъ у насъ отдалится обыкновенный періодъ замужества, какъ это было у нашихъ сѣверныхъ предковъ; скоро замѣтятъ, что литература наша, будучи южнаго происхожденія, установила весну дѣтъ и жизни несравненно раньше, чѣмъ это свойственно нашему климату и, подумавъ объ интересахъ будущихъ поколѣній, поймутъ, что важная обязанность заботы о первыхъ способностяхъ ребенка не должна предоставляться женщинамъ въ тотъ періодъ, когда у нея больше всего восприимчивости къ удовольствіямъ и пустоты въ головѣ. При приближеніи къ 22 году, многія иллюзіи разрушаются, и тогда только идея замужества представляется серіозною и важною обязанностию, какою она должна быть. Если въ этомъ случаѣ твердо заявлено желаніе родителей, если вступленіе молодой дѣвушки въ нѣдра большого общества было отсрочено и соразмѣрно съ тѣмъ отдалена перспектива замужества, — изъ этого возникло бы великое благо. Нѣсколько спокойныхъ дѣтъ, посвященныхъ наукѣ, размышленію, болѣе вѣрному обзору жизни человѣческой расширило бы умъ женщины и сообщило солидность характеру, что отозвалось бы на буду-

щихъ поколѣнійхъ. А каковыя безконечнымъ источникомъ сдѣлалось бы это начало умственной свободы для той, которой предназначалось одиночество!

Быть можетъ, это ошибка, но намъ кажется, что числу не замужнихъ женщинъ суждено увеличиться: оно было значительно всегда въ извѣстныхъ странахъ и почти во всѣхъ по видимому новыя причины готовятся увеличить его. У мужчинъ жизнь, болѣе наполненная дѣятельными интересами, душевное настроеніе, лишенное всякой сентиментальности, математическій умъ, важное значеніе имуществъ—все это причины къ тому, чтобы продолжить холостую жизнь и даже утвердиться въ ней, а потому нельзя не пожелать, чтобы это положеніе избиралось подчасъ и женщинами! Еслибы большая прозорливость, большая разсудительность, болѣе развитыя способности помѣшали имъ безразсудно жертвовать своей свободой и соглашаться на нравственное неравенство,—не придало ли бы это всему женскому полу большее достоинство, и не были ли бы женщины вслѣдствіи этого избавлены отъ многихъ страданій?

Призваніе супруги, принятое въ позднее время и мало предвидѣнное прежде, предоставило бы желательный промежутокъ для развитія умственнаго существа. Одно изъ препятствій—недостатокъ времени—отчасти уничтожалось бы, а скорѣе исчезло бы и другое препятствіе—недостатокъ желанія, еслибы молодыя дѣвушки болѣе почувствовали въ себѣ необходимость увеличить душевныя силы.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи намъ, по видимому, также благопріятствуютъ обстоятельства; образованіе пріобрѣтаетъ болѣе явную пользу по мѣрѣ того, какъ границы употребленія его становятся менѣе узки. Обычаи стали менѣе стѣснительны для женщинъ. Быть можетъ, это служить доказательствомъ равнодушія со стороны мужчинъ; но дѣло въ

томъ, что они предоставляютъ женщинамъ болѣе дѣйствовать по ихъ собственному произволу: они предоставляютъ имъ путешествовать самими, жить самими, управлять своими дѣлами, не удивляясь этому; и, главное, допускаютъ ихъ пріобрѣтать свѣдѣнія; они предоставляютъ имъ обладать всевозможной наукой, лишь бы только не заставляли ихъ восхищаться собой. Когда такимъ образомъ ихъ менѣе замѣчаютъ, въ тоже время ихъ менѣе порицаютъ и менѣе хвалятъ. Теперь дѣло женщинъ воспользоваться этимъ положеніемъ неизвѣстности.

Замѣтимъ между прочимъ, что настоящій вѣкъ, постоянно стремящійся къ свободѣ, сдѣлалъ два шага и въ пользу свободы женщинъ. Первый произошелъ въ области закона: въ различныхъ странахъ, гдѣ принято французское законодательство, женщина освобождена отъ всякаго бремени, кромѣ супружескаго. Подчиненная въ молодости родителямъ своимъ, также, какъ и мужчина, она вскорѣ становится полной обладательницей свободы своей, если не лишитъ ея сама себя добровольно. Остальное время опекуинства, безконечно продолжающееся въ другихъ странахъ, прекращается надъ ней, но по невѣжеству ли или по дѣйствию воображенія, которое дѣлаетъ нравственность ихъ, то слишкомъ изнѣженной, то слишкомъ мало строгой, чтобы въ чемъ нибудь походить на законный порядокъ, онѣ мало обратили вниманія на свое новое право. Малѣйшее изученіе по этому поводу доказало бы имъ, что существующіе законы, на которые нѣкоторыя изъ нихъ жалуются, составлялись вообще съ намѣреніемъ покровительствовать ихъ интересамъ.

Второй прогрессъ болѣе замѣчателенъ, потому что онъ составляетъ дѣло самихъ женщинъ и, по видимому, долженъ все болѣе и болѣе вліять на ихъ будущность. По законамъ природы нашей, которая умъ, задержанный въ одномъ, ста-

рается тотчасъ направить въ другую сторону, женщины, освобожденныя отъ лстивой иллюзіи, почувствовали потребность быть полезными. Въ прошломъ вѣкѣ онѣ раздѣляли филантропическое движеніе и отличались своими благодѣланіями; потомъ, когда пробужденіе религіозныхъ чувствъ заявило себя, онѣ приняли съ радостью, съ восторгомъ новое призваніе любви, которое, по видимому, отнеслось къ нимъ. Принципы ассоціаціи, которымъ онѣ завладѣли, сообщали имъ тайну ихъ могущества. Открылась новая дѣятельность, и вскорѣ онѣ раздѣлили между собою извѣстныя обязанности, которыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ административнымъ отправленіямъ. Благодаря ихъ заботамъ, основывались школы, заводились разнаго рода религіозныя учрежденія или дома милосердія, и постановленія, которыхъ требовали эти учрежденія, составлялись и выполнялись ими самими. Ихъ разсужденія, ихъ комитеты достаточно походили на мужскіе для того, чтобы ихъ не могли заподозрить въ желаніи испытать участь, мало созданную для нихъ. Это была несправедливость къ нимъ.

Между тѣмъ нужно знать, что всѣ эти движенія не со-всѣмъ пріятны мужчинамъ: какъ филантропы, они должны одобрить эти результаты, но, какъ личностямъ, они не правятся имъ; въ ихъ глазахъ это подвигъ къ независимости, слабость самолюбія, зависть авторитета или чувства, сильная опасенія увлеченій обыкновенно свойственныхъ женщинамъ, что бы то ни было наконецъ, но форма этихъ ассоціацій имъ слишкомъ антипатична для того, чтобы они не находили въ ней смѣш-ныхъ сторонъ.

Къ несчастію нужно сознаться, что женщины иногда сами давали поводъ къ насмѣлкѣ. Новыя претензіи, важность вида показывали ясно, что въ усердіе ихъ входило тщеславіе и ихъ живой интересъ въ добру походилъ на пристрастіе къ модѣ. Но къ чему останавливаться на этихъ несчастіяхъ,

средства вообще были хороши, дѣйствія также; а что можетъ больше оправдать намѣренія, какъ не благородное и полезное предпріятіе?

Глубокимъ изслѣдователямъ женскаго сердца должно быть хорошо извѣстно, до какой степени впечатлѣнія его измѣнчивы. Повторяемыя дѣйствія и привычки производятъ вліяніе, которое слѣдуетъ оцѣнить. Мы согласны, что только хорошія средства имѣютъ право на уваженіе, и что они часто рѣшаютъ пользу дѣла; но и дѣла, способныя сами по себѣ возбудить великодушныя чувства, способствуютъ преимуществу этихъ послѣднихъ даже и тогда, когда первоначальныя намѣренія были не совсѣмъ чисты. А что можетъ быть прекраснѣе и болѣе достойно поощренія, какъ не учрежденія милосердія? Что же въ настоящее время такъ воспламеняетъ значительныя умы и занимаетъ избранное общество? Развѣ не желаніе возвысить низшій классъ, облегчить, просвѣтить его? И когда мы подумаемъ—съ одной стороны объ этомъ множествѣ несчастныхъ существъ, обремененныхъ трудомъ, для котораго у нихъ не хватаетъ силъ, а съ другой стороны объ этихъ женщинахъ, пользующихся удобствомъ, которыя почти также стонутъ подъ бременемъ бездѣйствія: какъ не пожелать, чтобы досугъ одного класса посвящался другому, и заставилъ бы его нѣсколько свободнѣе дышать? Развѣ оба они не найдутъ въ этомъ счастья и даже просвѣщенія?—потому что ничто не можетъ больше побудить женщинъ къ достиженію того и другаго, какъ надежда извлечь пользу изъ своихъ знаній.

Конечно, тысяча обстоятельствъ можетъ помѣшать женщинамъ принимать участіе въ ассоціаціяхъ милосердія, но ни что не можетъ ее отвѣсильно достигнуть того же результата другимъ путемъ. Если бы каждая заботилась о нравствен-

номъ благѣ несчастныхъ,—воспитаніе вциграло бы въ этомъ при всѣхъ условіяхъ жизни.

Матери, которыя сдѣлали бы средствомъ обученія дочерей своихъ надежду самимъ обучать нѣкогда бѣдныхъ дѣтей, привели бы въ движеніе могущественный рычагъ, который иначе пмъ невозможно привести въ дѣло. Обязанность наставницы создана для женщины, и еслибы не существовало громаднаго неудобства возбудить въ молодыхъ дѣвушкахъ надежды, которыя не всегда могутъ исполняться, лучше всего можно было бы сформировать ихъ характеръ и умъ, воспитывая ихъ, какъ будущихъ матерей. Нравственность, умъ, чувство,—всѣ эти способности развились бы въ видахъ этой надежды. Но кто можетъ не уважать сильной скорби, которую причинило бы чувство неудавшагося назначенія? той скорби, которая у замужнихъ женщинъ, лишенныхъ дѣтей, доходить до ужасной степени. И такъ, то было бы счастливое отертіе, которое представляло бы молодымъ дѣвушкамъ карьеру наставницы, не указывая имъ слишкомъ явно идею материнскаго чувства. Что же можно придумать лучшее, какъ не занятіе съ бѣдными дѣтьми?

Перспектива обученія, занимаются ли ею сами или слѣдять за тѣми, которые занимаются, быть можетъ, наиболѣе способствуетъ кротости воспитанія; она заставляетъ останавливаться на начатахъ, изученіе которыхъ очень часто остается чуждо женщинамъ. Различнымъ степенямъ успѣховъ молодыхъ дѣвушекъ соответствуютъ и различныя заботы, которыя онѣ могутъ сообщить образованію. Онѣ могутъ сдѣлать выборъ элементарныхъ книгъ, переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ, если въ этомъ будетъ надобность, и готовить разнаго рода полезное чтеніе.

Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, располагая своимъ временемъ, женщины были бы особенно способны популяризи-

ровать образованіе, придавая ему тѣ оживленныя формы, которыя такъ легко схватываетъ воображеніе ребенка и народа; многія уже заявили себѣ въ этомъ дѣлѣ ¹⁾. Имъ объяснены въ послѣднее время счастливой идеей употребить въ дѣло науку и указать въ поразительныхъ примѣрахъ опасность предразсудковъ и невѣжества.

Женщины, достигнувъ подобнаго состоянія, часто находили бы большую привлекательность въ наукѣ и стремились бы къ другимъ успѣхамъ. Если бы положеніе ихъ помѣшало имъ примѣнить знанія свои къ пользѣ другихъ, онѣ находили бы удовольствіе въ исканіи истины изъ любви къ самой истинѣ. То чистое безкорыстное усердіе къ успѣху науки, которому посвящаютъ себя многіе дѣльные мужчины, женщины также способны чувствовать. И если бы, съ цѣлью посвятить себя образованію, онѣ предались изученію естественныхъ наукъ,—это поприще, мало обрабатываемое ими доселѣ, представило бы имъ тысячу случаевъ къ изощренію ихъ провѣщательности. Есть науки легко доступныя, требующія обогащенія фактовъ; здѣсь могъ бы имѣть драгоцѣнное примѣненіе талантъ наблюдательности, которымъ обладаютъ многія женщины, и работая надъ громаднымъ зданіемъ науки, возвышающимся съ теченіемъ вѣковъ во славу человечества, онѣ почувствовали бы великую разницу между ложными средствами, которымъ предаются для препровожденія времени, и тѣми, въ которыхъ преуспѣваетъ важное дѣло. Успѣхи искусства и легкой литературы не единственные, которыхъ женщины могутъ достигнуть, и опыты скоро показали бы имъ, что болѣе спокойнаго рода занятія предоставили бы имъ болѣе прочныя удовольствія, сопровождаемая меньшей опасностію. Мы постараемся показать это впоследствии.

---

¹⁾ Medames Edgworth, Marcet, Martineau.

Высшее значеніе, приписываемое уму, всегда будет принадлежать только небольшому числу женщинъ, и онѣ не могутъ обладать ни большимъ счастьемъ, ни большимъ достоинствомъ, чѣмъ другія. Конечно, пока у насъ особенно будетъ цѣниться просвѣщеніе, онѣ всегда будутъ имѣть болѣе вѣса и значенія, но не извѣстна масса добродѣтельныхъ женщинъ, женщинъ истинно преданныхъ исполненію дѣла своего, всегда сдѣлаешь наибольше добра. Въ настоящее время легко понять это.

Нашъ вѣкъ далъ намъ строгіе уроки. Слишкомъ много надеждъ возлагалось на политическій порядокъ, и можно было замѣтить, что неожиданной степени свѣбоды, искусно составленной конституціи недостаточно было для счастья націи. Надежды обратились тогда на увеличеніе просвѣщенія, со всѣхъ сторонъ открылся свободный доступъ въ области науки. Но что же случилось? Вспорѣ замѣтили, что толпа юныхъ натуралистовъ, математиковъ, медиковъ и законодателей возмечтала только объ общественномъ переворотѣ и распространяла вмѣстѣ съ сообщаемыми ею свѣденіями самую злополучную систему. Послѣдовавшая за симъ перемѣна правительства ¹⁾ и положительное, болѣе распространенное образованіе, одинаково обманули ожиданія мыслителей: общественныя страданія все тѣ же и будущность представляется въ такомъ же угрожающемъ видѣ. Гдѣ же зло? Оно въ глубинѣ души, оно во внутреннемъ таинственномъ святилищѣ, куда не проникаетъ глазъ человѣческій.

Сказать ли, что на излеченіе этого зла, женщины, какими мы ихъ предполагаемъ, могли бы имѣть огромное вліяніе? Онѣ дѣйствовали бы прямо на причину, производящую его.

---

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду французское государство и общество.

Мужчины дѣлають добро такъ, какъ они его понимаютъ, добро дѣйствительное, необходимое, но недостаточное; они организуютъ, они обучаютъ; социальное зданіе и зданіе науки построено ими; они занимаются тѣломъ цивилизаціи, если можно такъ выразиться, а не душою, которая должна оживить его. Женщина же, наоборотъ, имѣетъ дѣло съ жизнію, съ душою, съ чувствомъ,—вотъ что она умѣетъ развить. Не изсякають ли живительные соки человѣчества отъ недостатка чувства, вѣры, надежды въ религію? Уже по могущественному своему вліянію на дѣтство, женщины чрезвычайно способны создать намъ другую будущность; онѣ одни способны внушить это внутреннее убѣжденіе, эти внутренніе принципы существованія, которые дѣйствуютъ то помимо воли нашей, то по нашему же желанію, а отсюда слѣдуетъ, что тѣмъ, что мы называемъ правами, этой массой чувствъ, воплощенныхъ въ привычки, которыя возобновляются тотчасъ же послѣ потока страстей, женщины вообще больше располагають, нежели мужчины.

Еслибы, уважая естественныя границы своего могущества, освобожденные отъ честолюбія и личной претензіи, онѣ зажгли небесное пламя любви къ Богу, и такимъ образомъ оказали человѣчеству услугу выше всякой другой,—нашъ мало рыцарскій вѣкъ представилъ бы имъ, быть можетъ, больше счастья, судьбу менѣе блестящую, конечно, но болѣе истинно благородную и великую, чѣмъ прежніе вѣка, такъ славившіеся блескомъ, которымъ они ихъ окружали.

Перев. Ф. Шарко.